

К ВОПРОСУ О ВКЛЮЧЕНИИ УПРАВЛЕНИЯ
В ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

П. ГИЛИС

Споры по поводу того, правомерно ли было бы включить управление в категориальную систему политэкономии¹ ведутся в разных аспектах. Этот вопрос прямо или косвенно затрагивается при изучении таких методологических проблем, как: соотношение объективного, субъективного и сознательного в экономике; разграничение политэкономии, науки управления, кибернетики и социологии; соотношение политической экономики и экономической политики; механизм действия и механизм использования экономических законов и др.

Как известно, некоторые экономисты исключают из сферы политэкономических исследований проблемы управления, рационального ведения хозяйства, иными словами, они не признают за управлением статуса экономической категории². Однако такой подход, по нашему мнению, необоснован. Если признать, что политическая экономия занимается исключительно проблемами развития экономических отношений, а также сравнительным анализом различных по своей социальной структуре экономических систем на основе самых общих социально-экономических критериев, то при решении этой задачи она не может обойтись без изучения управленческого фактора. В настоящее время управление³ становится важнейшим, если не главным, фактором социально-экономического прогресса. Этот факт признается по существу всеми. Игнорируя управление, мы обошли бы молчанием один из мощнейших «двигателей» экономического развития, и наше понимание диалектики, причин качественных и количественных сдвигов в народнохозяйственном механизме было бы односторонним, существенно неполным. В связи с этим и прогностический потенциал политэкономии был бы невелик. Словом, «абстрагирование» от управления уменьшило бы эффективность как идеологической, так и практической (прикладной) функции политэкономии.

Примечательно, что большая часть специалистов по вопросам экономического управления и политэкономов в той или иной форме под-

¹ Данная проблема дискутируется и среди политэкономов других социалистических стран. В частности, хотелось бы отметить интересные работы польских экономистов по рассматриваемой проблеме (см.: *Zurawicki S. Metodologiczne problemy nauk ekonomicznych.*— Warszawa, 1969; *Mieszczankowski M. O przedmiocie ekonomii polemicznie.*— *Ekonomista*, 1971, Nr. 6; *Pietras L. Teoriopoznawcze problemy ekonomii.*— *Ekonomista*, 1976, Nr. 4.

² См., в частности: *Дейнеко О. Методологические проблемы науки управления производством.*— М., 1970, с. 81; *Козлов Ю. Управление народным хозяйством СССР.*— Ч. 2.— М., 1971, с. 118—120; *Основиц В. Основы науки социального управления.*— Воронеж, 1972, с. 63.

³ Наука еще не располагает общепринятым определением управления. Мы (конечно, не претендуя на большую точность определения) под управлением будем понимать информационный процесс, целью которого является обеспечение желаемого состояния управляемого объекта, что достигается в результате осуществления функций управления (планирования, регулирования, организации, стимулирования), а также при условии, что система управления является в достаточной мере целостной.

держивают идею включения управления в предмет политэкономии. Они аргументируют свое мнение в основном двумя положениями. Во-первых, управление порождается самой экономической действительностью и является объективно необходимым условием существования экономической системы и ее подсистем. По К. Марксу, там, где существует общественный труд, неизбежно должно осуществляться управление. Во-вторых, управление является функцией собственника средств производства. Оно служит реализации определенными классами отношений собственности. Управление связано с собственностью и в том смысле, что его пределы определяются в основном пределами собственности.

Экономическая природа, экономическое происхождение управления и его связь с собственностью считается некоторыми авторами достаточным основанием для включения управления в систему экономических категорий. Некоторые экономисты идут дальше. Так, А. Годунов считает, что управление выступает как экономическая клеточка общественного производства. «Кооперация труда (общественное производство) и товарное (частное, обособленное) производство,— пишет автор,— являются двумя общественными формами обмена человеческой деятельностью. Если фокусом товарных отношений является товар — овеществленный общественно необходимый труд, то фокусом отношений людей в процессе непосредственного общественного труда является управление этим трудом»⁴. По словам А. А. Годунова, товар как клеточка частного производства содержит в зародыше основное производственное отношение и основное противоречие этого производства. Осуществление основного отношения товарного производства и разрешение основного противоречия происходит в процессе купли-продажи. С точки зрения кооперации, необходимым условием обмена деятельностью и разрешения возникающих противоречий (например, между индивидуальными и коллективными интересами) является управление⁵. По нашему мнению, такая интересная и последовательная аргументация намного укрепляет позиции сторонников включения управления в область политэкономических исследований.

Однако не все авторы разделяют точку зрения Л. И. Абалкина, И. Бровера, А. Годунова, С. Каменниера, Д. Козлова и других экономистов, считающих, что экономическое управление входит в сферу экономических явлений и потому должно найти место в системе экономических понятий и соответственно в предмете политической экономии.

К примеру, В. Основин, критикуя А. А. Годунова и исключая управленческие отношения из состава производственных отношений, основывается на том, что, во-первых, «... производственные отношения имеют целью создание определенного продукта труда, управленческие — организацию деятельности людей для создания соответствующего продукта труда»⁶, т. е. что управленческие и производственные отношения различаются по их непосредственному целевому назначению; во-вторых, содержанием производственных отношений является «определенный производственный цикл, включающий в себя технологический процесс производства, взаимодействия людей с машинами, использование людьми имеющихся производственных мощностей...»⁷, в то время как содержанием управленческих отношений «всегда характеризует определенный замкнутый цикл, состоящий из сбора и анализа информации, определения цели, постановки задачи, принятия решения, организации и его исполнения и контроля»⁸; в-третьих, производственные отношения подчи-

⁴ Годунов А. Введение в теорию управления.— М., 1967, с. 121.

⁵ Там же, с. 121—124.

⁶ Основин В. Основы науки социального управления, с. 46—47.

⁷ Там же, с. 47.

⁸ Там же, с. 48.

няются экономическим законам, они объективны, не зависят от воли и сознания людей, управление же — это целесообразная, сознательная деятельность людей⁹.

Все вышеперечисленные аргументы вызывают контраргументы. Можно ли производственные отношения различать по признаку их непосредственного возникновения в производстве продукта? Ведь в производственной сфере существует множество отношений, направленных не на непосредственное произведение продукта, а на обеспечение этого процесса.

В условиях крупной машинной индустрии, по словам К. Маркса, «Продукт превращается вообще из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт совокупного рабочего, т. е. комбинированного рабочего персонала, члены которого ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда»¹⁰. И дальше: «Поэтому уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производственного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного рабочего, выполнять одну из его функций»¹¹. Это марксово положение позволяет думать, что в настоящее время совокупным рабочим охватывается комплекс «наука—техника—производство» в той мере, в какой им обеспечивается и осуществляется изготовление определенного законченного продукта и что в это понятие входят и работники, осуществляющие управление производством. Если же признать, что последние выполняют производственные функции, т. е. что их труд является производительным, то производственными (и экономическими) следовало бы считать и отношения, возникающие в процессе управления производством.

Несостоятельным нам кажется и другой аргумент противников включения управления в сферу экономических явлений — о специфичности и информационности управления. Экономика, а следовательно, и экономические отношения — это не однородное явление. Экономическая действительность наряду с общими свойствами содержит в себе и специфические. Общие свойства осознаются в том случае, когда исследование ведется на наивысшем уровне абстракции — на уровне всей экономической системы.

Специфические свойства обнаруживаются при изучении более конкретных вопросов, т. е. на нижних уровнях описания экономических явлений. В экономических отношениях как общем при их более конкретном исследовании обнаруживается и специфическое: отношения производства, обмена, распределения, потребления и, по нашему мнению, управления. В содержание самой абстрактной экономической категории «экономические отношения» включается то общее, что характерно для более конкретных вышеперечисленных категорий. Следовательно, специфичность отношений управления не является доказательством отсутствия в них общих для экономических отношений свойств, а потому и не может служить аргументом для исключения их из состава экономических отношений, если даже эта специфичность проявляется как информационность.

При этом следует иметь в виду, что всякие, а не только управленческие экономические отношения можно охарактеризовать как информа-

⁹ Там же, с. 47.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Изд. 2-е, т. 23, с. 516—517.

¹¹ Вызывает возражение понимание В. С. Основным содержанием производственных отношений. Производственные отношения, будучи экономической категорией, не могут включать в себя технологический аспект. Технология — это предмет технических, инженерных, а не экономических наук.

ционные¹². Это вытекает из того, что информация является атрибутом всей материи, третьим ее аспектом (после вещественного и энергетического). Например, в процессе труда рабочий не только затрачивает свою физическую энергию и амортизирует средства труда, но и «передает» предмету труда информацию. Именно благодаря этой информации предмет труда «очеловечивается» — получает соответствующую социальную форму. Процесс обмена тоже можно представить не только как вещественно-энергетический процесс, но и как процесс, в котором стороны обмениваются информацией. Соответственно и отношения, возникающие в этих процессах (труда и обмена), имеют как вещественно-энергетический, так и информационный аспект.

Особенно ярко информационная сторона экономических отношений проявляется в том случае, когда они рассматриваются в виде момента экономики как системы управления. Здесь «обычные» экономические отношения как структура¹³ экономической системы выступают и как сторона объекта управления. В этом случае, с точки зрения органов управления, они представляют собой не что иное, как информацию. Управление — это информационный процесс, поэтому управляющие системы в управляемых системах видят только информацию.

Не убедительно выглядит и тот аргумент противников включения управления в систему категорий политэкономии, что управление нельзя отнести к объективным производственным отношениям потому, что оно представляет собой сознательную и целенаправленную деятельность.

В экономической литературе весьма распространенным является мнение, что объективные экономические законы существуют как бы сами по себе, а сознательная и целенаправленная деятельность людей в экономике — сама по себе. Это связано с упрощенным пониманием действия экономических законов. Данная точка зрения основана на противопоставлении сознательной деятельности объективному характеру экономических законов, а также на отождествлении сознательного и субъективного.

Так, И. Кузьминов критикует других авторов за то, что планомерность ими толкуется как сознательное использование экономических законов, а не как объективное отношение людей по производству¹⁴. Аналогичной точки зрения придерживается и Я. Кронрод. Он также выступает против включения элементов сознательности в область объективных явлений. «Каково бы ни было содержание сознания, — пишет Я. А. Кронрод, — оно в качестве явления духовной жизни не может входить как элемент в материальные отношения экономики»¹⁵. В этой связи возникает вопрос: возможна ли социальная и экономическая планомерность вне сознательности? Спрашивается также, правомерно ли противопоставлять сознательное объективному?

Противопоставление сознательности и объективности противоречит, по нашему мнению, марксистско-ленинскому пониманию содержания

¹² Первым автором, выдвинувшим предположение, что производственные отношения можно изучать с точки зрения информации, был, по-видимому, Е. Г. Ясин. Под производственными отношениями он понимает информационную связь (см.: Ясин Е. Теория информации и экономические исследования. — М., 1970).

¹³ Структуру явления (системы) нельзя рассматривать ни в понятиях вещества, ни энергии. Структура означает определенный порядок, организацию. Последняя же изучается с точки зрения энтропии и негентропии (информации). Информация является мерой организации. В этом смысле экономические отношения, составляющие структуру экономики, следует рассматривать как информационные.

¹⁴ См.: Кузьминов И. К вопросу о регуляторе социалистической экономики и механизме действия экономических законов. — В кн.: Экономические законы социализма и хозяйственное руководство. — М., 1971, с. 12—13.

¹⁵ Кронрод Я. Законы политической экономики социализма. — М., 1966, с. 184. Такие и подобного рода взгляды удачно критикуются А. Ереминым (см.: Еремин А. Объективность развития экономического строя социализма и сознательная деятельность людей. — Известия АН СССР. Серия экономическая, 1976, № 5).

объективности. В. И. Ленин в «Философских тетрадах» высказал и научно сформулировал мысль о возникновении с появлением человека и общества второй формы объективных процессов. Первой и изначальной формой таких процессов являются естественные (природные) процессы. Выделяя две формы «объективного процесса: природа (механическая и химическая) и целесообразная деятельность человека»¹⁶, В. И. Ленин указывал на необходимость изучения соотношения этих форм.

При исследовании сознательной деятельности следует иметь в виду, что, хотя эта деятельность исходит от субъекта, она не должна смешиваться с волюнтаризмом и свободой от законов природы и общества. Это особенно ярко отражается в производственной деятельности. «Человек в процессе производства,— писал К. Маркс,— может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы вещей. Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы»¹⁷. Сознательная деятельность, как правило, всегда соответствует требованиям объективных законов. Это находит свое отражение в формировании целей и планов сознательной общественной деятельности. «Цели человека,— пишет С. С. Товмасын,— как идеальная картина результата действия, его стремление к преобразованию действительности объективны по своему источнику возникновения, по своему содержанию, хотя и субъективны по своей форме»¹⁸. У индивида лишь создается впечатление, что его цели исходят из него самого, что они не зависят от внешнего мира. На самом же деле эти цели порождены объективной действительностью.

Значит, как цели, так и способы их осуществления обычно подчинены объективным законам. Это и предопределяет объективность сознательных процессов.

Правда, в обществе бывают случаи, когда формирование целей и программ, их претворение в жизнь происходит без учета требований объективных законов. В этих случаях теряется объективная основа общественной деятельности, вследствие чего последняя становится субъективистской, волюнтаристской. Но эту деятельность нельзя назвать сознательной, потому что в ней не осознается реальность.

Таким образом, сознательность имеет объективную основу, а значит, и управление как сознательная деятельность зиждется на объективном фундаменте. Следует также иметь в виду, что все производственные отношения, а не только управленческие реализуются посредством сознательной деятельности людей¹⁹.

Неоправданным поэтому является стремление некоторых авторов разграничить планомерность и сознательность (а тем самым планомерность и управление)²⁰. Исключая из объективности сознательность, та-

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 170.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 51—52.

¹⁸ Товмасын С. Философские проблемы труда и техники.— М., 1972, с. 72.

¹⁹ Сказанное не означает, что в сознательной деятельности отсутствует момент субъективности. Однако экономическая наука не изучает индивидуальные, случайные, т. е. субъективные стороны сознательной экономической деятельности. Она сосредоточивает свое внимание на общих, существенных и закономерных, т. е. объективных аспектах хозяйственных процессов.

²⁰ Результатом такого разграничения являются подобные рассуждения: «При социализме,— пишут А. И. Викентьев и Б. П. Мирошниченко,— пропорциональность существует постоянно, ибо постоянно существует объективная основа ее — общественная собственность возникает не в плане, а представляет собой объективную реальность» (подчеркнуто нами.— П. Г.). См.: Викентьев А., Мирошниченко Б. Экономические законы социализма и планирования в странах СЭВ.— М., 1964, с. 57. В связи с вышесказанным возникает вопрос: какие силы обеспечивают пропорциональность социалистической экономики? Если они не сознательные,— а это авторы категорически отрицают,— то остаются два варианта: либо стихийные, слепые силы общественного развития, либо

кие авторы исключают ее и из плановности, так как плановность ими (правильно) считается объективной чертой социалистического общества.

Социальные процессы можно разделять по двум признакам: по признаку сознательности и по признаку объективности. По первому признаку общественные процессы делятся на сознательные и стихийные, по второму — на объективные и субъективные. Если из объективных процессов исключить сознательные, то получится, что объективное совпадает со стихийным. Следуя дальше, пришлось бы признать, что плановность как объективное явление есть проявление стихийности! Словом, рассуждая таким образом, мы подошли бы к неразрешимой антиномии.

На самом же деле пары понятий «объективность и субъективность» и «стихийность и сознательность» отнюдь не тождественны. Понятие объективности шире понятия стихийности. Объективность экономических законов проявляется как в плановой, сознательной, так и в стихийной форме.

Всякая общественная плановность реализуется через план, управление. Когда управление охватывает простую кооперацию, плановность проявляется в пределах этой кооперации. Когда управление поднимается на уровень корпорации, можно говорить о планово функционирующей корпорации. В условиях социализма, когда осуществляется единое управление экономикой, плановность проявляется в масштабе всей экономической системы. При социализме планово функционируют и развиваются не только микро- (как при капитализме), но и макроэкономические отношения. Все сказанное говорит в пользу того, что вне плана и управления плановность не существует.

Как следует из всего вышесказанного, аргументы, высказываемые против включения управления в предмет политэкономии, вполне опровержимы. В условиях социализма, когда люди сами строят свое будущее, сознательно творят историю, сознательно управляют ходом развития производительных сил, когда на смену стихийным хозяйственным процессам приходит сознательная созидательная сила общества, политэкономия, как наука о причинах и законах экономического развития общества, должна изучать управленческие процессы. Ибо управление является важнейшей причиной самодвижения экономической системы социализма, без которой социалистическая экономика перестала бы быть социалистической.

В последнее время в экономической литературе идет дискуссия о месте экономической политики в предмете политической экономии. Одни авторы настаивают на том, чтобы экономическая политика включалась в предмет политэкономии, другие же, наоборот, исключают такую возможность. По нашему представлению, эта дискуссия непосредственно связана с исследуемой в данной статье проблемой.

При определении содержания понятия экономической политики следует опираться на понятия государства и политики. Все эти понятия — экономическая политика, государство, политика — тесно взаимосвязаны, при этом ведущее место среди них занимает понятие государства. Политика (в том числе экономическая) — это сфера деятельности государства. В зависимости от содержания понятия государства определяется сфера его деятельности, т. е. содержание политики.

В настоящее время среди политэкономов, а также юристов и филологов идет спор о содержании понятия государства. Одни авторы считают, что государство, вне зависимости от исторической эпохи, должно рассматриваться как чисто надстроечный элемент, который призван ре-

---

господь бог. Других альтернатив быть не может. Словом, рассуждая таким образом, авторы скатываются, не подозревая этого, на позиции экономического фатализма или идеализма.

шать исключительно проблемы закрепления власти господствующего класса и будет существовать до тех пор, пока не исчезнет классовое общество.

Авторов, включающих государство в базис, никак нельзя упрекнуть в отходе от марксизма, как это делают их оппоненты. Эти авторы придерживаются одного из главных принципов марксистского учения об обществе — историзма. То, что К. Маркс изучал государство в основном как аппарат надстроечного воздействия на общество, а некоторые наши экономисты видят в нем также элемент экономической системы, следует объяснять различием решаемых задач, а также изменением исторической ситуации.

В наши дни социалистическое, а в некоторой степени и капиталистическое, государство стало не только политическим, но и экономическим центром общества. Это является яркой иллюстрацией того, что социальные понятия, как указывал К. Маркс, носят не абсолютный, а исторический характер. Их содержание меняется с изменением исторической обстановки. В отношении государства это заметил еще В. И. Ленин, который в работе «Удержат ли большевики государственную власть?» писал о двух сторонах (экономической и надстроечной) государства²¹.

Сторонники «надстроечного» государства не могут игнорировать выполняемые социалистическим государством экономические функции. Но по их мнению, свои экономические функции государство выполняет в качестве элемента надстройки. Таким образом, делается попытка доказать, что государство выполняет экономические функции, не обладая соответствующими характеристиками, что оно, не являясь элементом экономической системы, выступает как субъект экономических отношений. Однако это невозможно. Как следует из положений теории систем, объект может выполнять какие-то функции лишь при условии, что он обладает соответствующими свойствами. Значит, и государство выполняет экономические функции лишь потому, что оно выступает носителем экономических характеристик и элементом экономической системы.

В этом смысле мы полностью солидарны с Л. Абалкиным, который, включая государство в экономику, объясняет это следующими причинами: 1) государство является носителем отношений собственности; 2) оно выражает общие экономические интересы; 3) оно является органом союзу рабочего. И на самом деле, рассматривая государственный аппарат, в нем нетрудно выделить органы, объектом управления которых является надстройка (судопроизводство, охрана общественного порядка, оборона страны, органы культуры и т. д.), и органы, деятельность которых направлена на экономику (Госплан СССР, Госпланы союзных республик, другие комитеты при Совете Министров СССР, министерства экономического профиля и т. д.).

Критикуемых авторов приводит к ошибочным выводам убеждение, что государство может быть только «надстроечным» и никаким другим одновременно. Но это не диалектический подход. Как известно, каждое явление представляет собой единство противоположностей. На основе противоречия этих двух сторон явления и происходит его самоотрицание, т. е. его развитие и отмирание. Отмирание «надстроечного» государства необходимо рассматривать как следствие его раздвоения на надстроечную и экономическую стороны и отрицания этой исторически ранее возникшей стороны государства второй его стороной. Экономическая часть государства отрицает надстроечную, вследствие чего на определенном этапе развития последняя исчезает. При этом раздвоение и самоотрица-

²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 306—308.

²² См.: Абалкин Л. Политическая экономия и экономическая политика. — М., 1970, с. 40.

ние свойственно не только социалистическому государству. Этот процесс происходит и в буржуазном государстве, в особенности в условиях государственно-монополистического капитализма.

Исходя из вышеизложенного, государство в дальнейшем будет пониматься нами как диалектическое единство надстроечной и экономической сторон. Одновременно будем считать, что и деятельность государства (политика) охватывает обе эти общественные сферы. Выходит, что политику можно делить на надстроечную и экономическую. Здесь следует иметь в виду то обстоятельство, что с изменением содержания государства меняется содержание его деятельности. Когда-то политика была сферой деятельности, связанной в основном с отношениями между классами. Ядром ее являлась проблема завоевания, удержания и использования государственной власти. В настоящее время к этому необходимо добавить мероприятия государства в области экономики, т. е. экономическую политику.

Определение политики как деятельности государства не раскрывает полностью содержания данного понятия. Каково же глубинное содержание понятия политики? Сравним этимологию и реальное содержание изучаемого понятия. Как известно, в переводе с древнегреческого «политика» означает управление государством. По нашему мнению, это значение совпадает и с реальным содержанием политики.

Если взять, к примеру, любую внутреннюю функцию государства или его отдельное мероприятие, то в них четко выделяются следующие моменты: изучение ситуации и разработка на этой основе модели явления, на которое предполагается направить это мероприятие; разработка цели (или целей), которые преследует государство; определение средств и методов достижения этой цели; передача командной информации низшим звеньям; процесс осуществления этими низшими звеньями заданий центрального государственного аппарата²³; контроль за действиями низших ступеней со стороны центрального государственного аппарата.

Сравнив перечисленные моменты государственной деятельности с функциями управления, можно констатировать, что эти моменты отражают ту или иную функцию управления. Если проанализировать деятельность государства, т. е. политику, то оказывается, что ей свойственны все черты, все функции управления: планирование, регулирование, организация, стимулирование. Это позволяет делать вывод о тождественности терминов «политика» и «государственное управление».

Аргументом в пользу сказанного служит и то, что деятельность государства носит информационный характер. Ее можно представить как сбор, переработку и передачу информации, что соответствует сущностному, субстратному определению управления, в котором говорится, что субстратом управления является информация. Политика — это не вещественно-энергетический, а информационный процесс. Причем здесь движение информации не ограничивается возникновением и развитием идей. Оно направлено либо на сохранение, либо на изменение определенных параметров управляемого объекта — общества.

Сказанное относится и к экономической политике, как одной из областей государственной деятельности. Ее, исходя из вышеизложенных

²³ Государство представляют не только центральные органы управления, но и вся система управления обществом. Ведь буржуазное государство, как аппарат классового принуждения, может справиться со своими задачами лишь потому, что охватывает все общество снизу доверху иерархией государственных органов. Без этой иерархии центральный аппарат был бы источником деклараций и агитации, а не органом реальной власти. Следовательно, любое государство должно включать в себя наряду с центральными звеньями и все нижние ступени государственного управления. Соответственно и экономическая сторона государства не должна сводиться к центральным органам экономического управления.

соображений, тоже следует считать управленческим процессом. Иначе говоря, мы считаем, что термины «государственное управление экономикой» и «экономическая политика государства» являются синонимами. В экономической литературе в большинстве случаев не осознается тождественность этих терминов. Обычно, употребляя их как совершенно самостоятельные понятия, авторы не разъясняют, в чем именно заключается их различие, а следовательно, и самостоятельность²⁴.

Утверждение, что экономическая политика представляет собой не что иное, как процесс экономического управления, приводит к дальнейшим выводам, а конкретно — к заключению, что экономическая политика, как управленческая государственная деятельность, направленная на экономическую подсистему общества, является внутренним фактором самодвижения экономики и поэтому должна входить в предмет политической экономии.

Показательным является тот факт, что в курсе политической экономии социализма отражены вопросы, касающиеся экономической роли государства и экономической политики нашей партии. Широко освещаются также вопросы хозяйственных реформ в Советском Союзе и других социалистических странах. Последние же, по существу, являются не чем иным, как реформами в области управления экономикой. Много места в учебной и научной политэкономической литературе уделяется проблемам хозрасчета, организации труда и производства, стимулированию и другим управленческим аспектам хозяйственной жизни.

Это лишний раз подтверждает, что исключение управленческих проблем из поля зрения политэкономии носит сугубо формальный, искусственный характер и что на практике изучение функционирования и развития социалистической экономики невозможно без учета закономерностей, принципов, функций и методов управления в экономической системе развитого социализма.

Управление — это сложное, многогранное явление. Его изучает целый комплекс научных дисциплин. Разные дисциплины — философия, кибернетика, социология, психология, педагогика, наука управления, политэкономия — изучают разные аспекты, стороны управления. Все эти стороны присущи всякому реальному процессу управления, и выделить их можно только идеально, только в мыслях, с помощью метода абстракции.

Наибольшие трудности возникают, а поэтому и наиболее горячие споры вызывает выделение политэкономического аспекта управления и аспекта изучаемого наукой управления. Встречается мнение, что политэкономия не должна заниматься проблемами управления, ибо эти проблемы решаются в пределах науки управления. Следуя такой логике, пришлось бы признать, что политическая экономия не должна касаться вопросов финансов, денежного обращения, экономики сельского хозяйства и других, потому что они изучаются конкретно-экономическими дисциплинами.

²⁴ Одну из очень немногих попыток различить экономическую политику и экономическое управление предпринял А. М. Еремин. Различие между этими двумя понятиями он видит в том, что «в первом случае большую роль играет учет внешнеэкономических факторов (например, военных, национальных, международных и т. п.)». (Еремин А. Экономика, политика и организация общественного производства. — Экономические науки, 1972, № 10, с. 22). Но ведь в процессе принятия всякого хозяйственного решения принимаются во внимание не только экономические аспекты решаемой задачи. Это объясняется тем, что, как известно, нет реального деления на экономические и неэкономические системы. Это деление возможно только в мыслях, идеально, поэтому нет реальных чисто экономических задач. Хозяйственному руководителю приходится управлять системами, которые представляют собой единство экономического, технического, национального, психологического и т. п. Ему также необходимо учитывать разнообразие по своей природе факторы (политическое положение, загрязнение среды и т. д.).

Политэкономика изучает отдельные стороны хозяйственной системы, не лишая эти дисциплины их предмета исследования. Если конкретные экономические исследования ведутся исходя из частных критериев, то политэкономика изучает вопросы финансов, управления и т. д. исходя из агрегированных, синтетических социально-экономических критериев. Другими словами, наука управления изучает процессы управления экономикой как таковые со всеми присущими им конкретными свойствами, в то время как для политэкономики управление — только одна из сторон, подсистем экономической системы социализма. Степень абстракции политэкономических исследований в области управления гораздо выше степени абстракции исследований, проводимых в пределах науки управления.

Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса
Межфакультетская кафедра политической экономии

Редколлегия вручено
в феврале 1979 г.